

ДЕТИ - УЗНИКИ КОНЦЛАГЕРЕЙ

«НЕМЦЫ ВЕЛИ НА НАС ПОДЛИННУЮ ОХОТУ»

Борис Владимирович Сребник, Заслуженный работник высшей школы РФ, Действительный член Нью-Йоркской академии наук, профессор кафедры «Финансовые рынки и финансовый инжиниринг» Финансового университета. Борис Владимирович – бывший малолетний узник немецкого концентрационного лагеря (Минского гетто), в котором уничтожено более 100 тысяч человек.

В этом концлагере погибли все его родные и близкие. В октябре 1943 г. в возрасте 9 лет, в день расстрела всего населения гетто ему удалось пролезть под ограду из колючей проволоки и вместе с несколькими мальчишками добраться до 5-го партизанского отряда 2-й Минской партизанской бригады. После освобождения Минска от оккупантов возвратился в город и был помещен в детский дом №3.

11 апреля уже 70 лет в мире отмечается Международный день освобождения узников фашистских концлагерей. За годы Великой Отечественной войны фашистами на оккупированных территориях СССР было создано 14 тысяч концентрационных лагерей, тюрем и гетто. Из 18 миллионов человек, отправленных в концлагеря, свыше 11 миллионов погибли.

В годы Второй мировой войны более пяти миллионов детей стали узниками фашистских концлагерей.

Война – это не только человеческие жертвы, потери в бою, это и нравственные потери, это искалеченное детство, отчаяние и горе матерей. Во все времена, во всех войнах были убитые и пленные, но лишь в этой войне так страдали дети. Фашизм не признавал возрастного различия. Сотни тысяч детей с матерями и без них оказались в концлагерях и гетто. Среди узников были и дети, насильно разлученные с родителями, угнанные далеко от родных мест, упрятанные

за колючую проволоку. Среди узников концлагерей были дети, малыши, новорожденные, которые тысячами гибли от голода, болезней и невыносимых условий жизни. Детей сжигали в печах, травили газами, брали кровь для немецких солдат, на них ставили медицинские эксперименты, испытывали новые препараты и заставляли до изнурения трудиться.

«Что есть у нас дороже наших детей? Что есть дороже у любого народа?

У любой матери? У любого отца? А кто подсчитает, сколько детей уничтожает война, которая убивает их дважды? Тех, кто родился, и тех, кто мог бы, кто должен был прийти в этот мир... Ребенок, который прошел через ужасы войны, ребенок ли это? Кто вернет ему детство?», – так писала Светлана Алексиевич в предисловии к своей документальной повести «Последние свидетели». Именно так, последними свидетелями назвала она тех, чье детство оказалось растоптанным тяже-

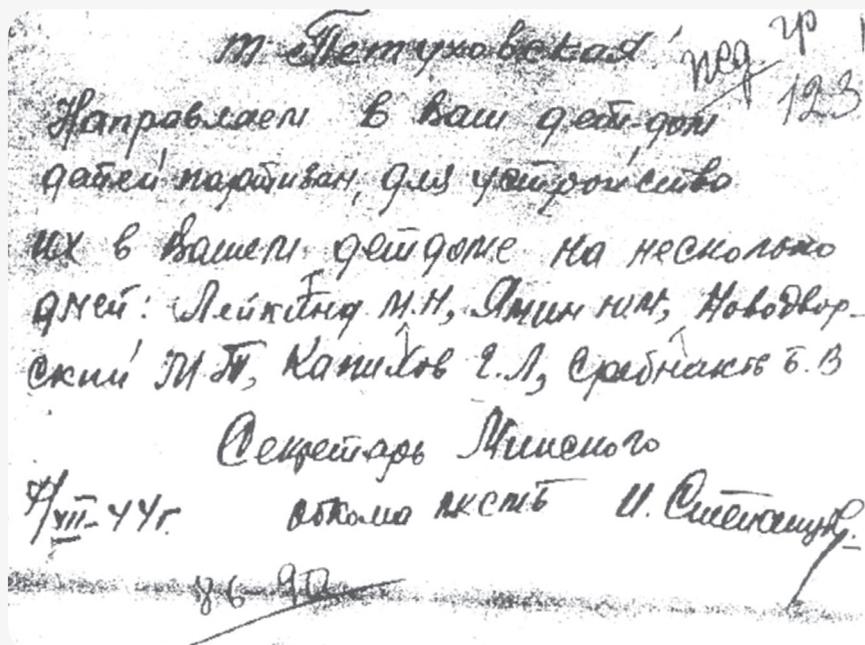

лой поступью Второй мировой войны – самой жестокой и кровопролитной войны в истории человечества. Кто, выжив в этой кошмарной мясорубке, на всю жизни сохранил в себе страх, въевшийся во все поры, униженность и беспомощность. Кто умер, так и не познав счастья материнской ласки. Кто и спустя десятилетия страдает от нажитых в те детские годы болезней и ран. Мы, бывшие дети войны, остались последними свидетелями самого дикого преступления XX века – массового детоубийства.

В спальню детского дома, который находился в Минске, иногда по ночам входила воспитательница, с ней – солдат или даже два (случалось, полицаи), освещали спальню фонариками, забирали нужного им ребенка под номером – заспанного, из постели. Назад никто не возвращался. Это был Минский детский дом №3.

Сведения о геноциде детского населения на оккупированной территории появились уже в первые месяцы после освобождения Беларуси от фашистов, однако эта тема долгие десятилетия оставалась одной из наименее изученных, да и сейчас в ней можно обнаружить множество «белых пятен». Фундаментального научного исследования, которое было бы специально посвящено этой теме, пока не создано, хотя собран уже огромный фактический материал. Отдельные факты можно обнаружить в документах Чрезвычайной следственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их соучастников, в энциклопедических, справочных изданиях, в книгах, посвященных Холокосту на территории Беларуси. Однако все они носят достаточно разрозненный и характер – литература о судьбах воспитанников детских домов на оккупированной территории весьма скудна...

Геноцид детского населения на оккупированной территории был частью единого проекта уничтожения миллионов граждан СССР по так называемому генеральному плану «Ост». Дети чаще всего разделяли судьбу своих родных и близких. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков по-

Копия архивного документа о направлении Б.В.Сребника и других детей-партизан в детдом

звolyаюТ более или менее представить себе масштабы гитлеровских злодеяний. По данным на сентябрь 1944 г., из более, чем 33 тысяч детей школьного возраста, которые проживали в городе Минске до начала войны, в наличии оказалось только 11 тысяч. Аналогичная ситуация была и в Минской области.

О том, что геноцид детей осуществлялся с ведома властей и по определенному плану, свидетельствуют документы, обнародованные на Нюрнбергском процессе. Например, в меморандуме от 2 мая 1941 года под заголовком «Результаты обсуждения с государственными секретарями „Плана Барбаросса“» говорится: «Первое: война может продолжаться только в случае, когда все вооруженные силы на третьем году войны будут обеспечиваться питанием из России. Второе: нет никакого сомнения в том, что в результате этого многомиллионное население умрет голодной смертью, когда мы возьмем от страны то, что нам необходимо».

Дети войны... Это особенная категория людей – с покалеченными судьбами, нереализованными возможностями, людей, которые чаще всего рано ушли из жизни. Из всех детей, которые в годы оккупации находились в детских домах и других сиротских учреждениях Беларуси, к середине 1990-х годов откликнулись только 140, а их через один только детдом №3 в районе станции Ко-

зырево, на окраине тогдашнего Минска (ныне – район камвольного комбината) прошло более 500 (когда вернулся из партизанского отряда в Минск, я был временно помещен в этот детский дом).

А сколько детей было уничтожено, вывезено на работы в Германию, погибло в пунктах сбора крови для немецких госпиталей, во время медицинских экспериментов, умерло от болезней, полученных в болотах во время блокад партизанских зон?

Судьба бездомных детей в годы оккупации была печальной. Газета «Минскер цайтунг», которую выпускали германские оккупационные власти, так писала о детях, которые ведут бродячий образ жизни: «В любую погоду они живут под открытым небом и занимаются бродяжничеством... Каждый состав, который приходит на вокзал в Минск, осаждается бездомными. Это дети от 5 до 12 лет». Среди этих детей был и я... До конца войны очень многие из этих детей не дожили. Немцы вели на нас подлинную охоту.

На стене мемориального комплекса в Хатыни выбито название деревни Домачево Брестского района. Осенью 1942 года там были уничтожены все воспитанники местного детского дома. Вот как об этом свидетельствует акт «Об уничтожении детей Домачевского детского дома немецко-фашистскими захватчиками в июне 1941 – сентябре

Юный партизан Петр Гурко из отряда «За власть Советов». Псковско-Новгородская партизанская зона, 1942 год

На открытии памятника «Детям-узникам фашистских лагерей» в Парке 30-летия Победы (Москва, Чертаново. 8 мая 2014 года)

1942 г.», составленный 25 ноября 1944 года: «В 1941 г. в детском доме находилось 100 детей русской, белорусской, украинской, еврейской и польской национальностей в возрасте от грудных детей до двенадцати лет. 15 детей еврейской национальности в возрасте от 2 до 12 лет из детского дома были помещены в гетто, а затем расстреляны. 23 сентября 1942 г. около 7 часов вечера во двор детского дома прибыла пятитонная машина с вооруженными немцами. Старший из группы немцев

объяснил, что детей повезут в Брест, и приказал посадить детей в кузов автомобиля. В машину посадили 55 детей и воспитательницу Грахольскую Пелагею. Затем они были отвезены на расстояние в 1,5 км от деревни где дети были раздеты и расстреляны». Подвиг великого педагога Януша Корчака, пошедшего а крематорий вместе с воспитанниками Варшавского детского дома, повторила сотрудница Домачевского детского дома Пелагея Грахольская. Свидетели, сотрудники детского дома рассказывали, что, когда детей начали вывозить, Пелагея сказала: «Что будет с ними, то будет и со мной», и пошла с детьми в автомашину. Вместе с детьми она и погибла.

Уничтожению подлежали не только дети «расово неполноценные» (евреи и цыгане), но и страдающие психическими отклонениями и физическими недостатками. После создания гетто в детские дома на территории вне гетто подкидывали еврейских детей – моя мама пыталась таким же способом спасти меня, но ей это не удалось, и она погибла. Узнав об этом, немцы наладили ночные рейды. Приезжал в детский дом ночью закрытый фургон-душегубка. При этом говорили, что детей повезут в другой детдом, и лишь спустя некоторое время их узнавали уже мертвыми в ямах на кладбище.

Среди лагерей смерти, созданных фашистами, были и лагеря для уничтожения детей, которые ранее содержались в детских домах. В один из таких лагерей в литовском городе Алитус, неподалеку от Каунаса, был вывезен Витебский детский дом. На уничтожение были обречены и другие детские дома. Дети в двух из них, в Семков Городке и Полоцке, были спасены только благодаря специальным операциям партизан, которые в тяжелых условиях создали для вывоза детей санные отряды. Командир партизанского соединения Герой Советского Союза Роман Мачульский вспоминал в своей книге «Вечный огонь» (1965), как «весной 1943 года партизанам стало известно, что фашисты под видом прививок от дизентерии хотят испытать на детях некое новое лекарство, изобретенное в Германии. Глубокой осенью 1943 года в Семков Городок прибыли фашистские медики, которые хотели брать у детей

кровь, и тогда партизаны собрали 50 подвод, необходимое количество одеял, шапок, валенок, платков и под охраной специального партизанского подразделения вывезли в партизанскую зону 276 детей. Среди вывезенных из Семкова Городка детского дома не было ни одного здорового ребенка: цинга, чесотка, фурункулез, многие были опухшими от голода.

Нередко для спасения жизни детей персонал детских домов должен был проявлять подлинный героизм. Во время ликвидации Полоцкого гетто несколько детей нашли приют в местном детском доме вне гетто. Когда возникла опасность селекции, этих детей распределили между местными жителями, а позднее и вовсе переправили в партизанскую зону. Все они дожили до освобождения от оккупантов.

Классическим проявлением геноцида в детских домах были «расовые чистки». Геноцид еврейских детей – одна из наименее исследованных страниц истории на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории. Дети гетто гибли вместе со своими родителями во время погромов и при окончательной ликвидации гетто. О целенаправленном уничтожении детей гетто известен, пожалуй, лишь факт уничтожения детского дома Минского гетто. Вот как об этом на основании свидетельских показаний пишет в книге «Десятый круг» писатель Давид Гай: «На территории Минского гетто существовал детский дом. После очередных облав и погромов сирот прибавлялось. Кормились скудно. Смертность была высокой. Дети умирали от дифтерита, других заразных болезней. Их заворачивали в простыни и хоронили... Детский дом ОБЕЗЛЮДИВАЛИ дважды: второго марта сорок второго и в апреле сорок третьего. Детей живыми кидали в яму и засыпали песком под душераздирающие крики. Обезлюдевший 2 марта 1942 года детдом стал наполняться: нужно было куда-то девать детей, оставшихся без родителей и родственников. Через год он опустел окончательно». Статистически детское население до 14 лет включительно составляет четвертую часть всего населения. Если же в расчет брать и подростковое население от 15 до 18 лет включительно, это количество

составит уже треть от общего числа населения. Учитывая, что на территории Беларуси погибли около 2,5 миллиона человек, то получается, что детей и подростков погибло около 800 тысяч.

В Минске приказ об изоляции еврейских детей в детских домах немцы издали уже 20 июля 1941 года. Дети, заподозренные в еврейском и цыганском происхождении, подвергались специальной антропологической экспертизе, которая работала в помещении детского дома №5 на Торговой улице, 24. Ее возглавлял сотрудник СД – службы безопасности Германии Ребигер. За участие в геноциде еврейских детей в послевоенные годы некоторые из директоров детских домов периода оккупации были осуждены. Среди них, к примеру, директор детского дома №3 Петуховская.

Режим, в котором содержались детские дома на оккупированной территории, напоминал концлагерь. Вокруг детдома был высокий забор и вооруженная охрана: несколько солдат дежурили круглые сутки.

Значительное количество воспитанников детских домов были депортированы в Германию на принудительные работы. В этом отношении характерен пример Семков-Городокского детского дома, который в первые месяцы оккупации носил характер трудовой колонии. Дети в нем использовались для ухода за коровами, свиньями, для заготовки кормов и т.д., но после того, как большинство из них достигло 12-летнего возраста, были вывезены в Германию. Директор Червеньского детского дома Астапенко трижды отправлял детей в Германию. За это преступление (в материалах суда сохранились сведения о 32 отправленных в Германию детях) он был осужден после войны к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества.

Теперь уже практически невозможно установить точную цифру, сколько же детей прошло через детские дома Беларуси в период оккупации. До сих пор не удается даже назвать точное число самих сиротских учреждений. В ходе войны, по мере углубления кризисной ситуации и гибели взрослого населения, число сирот возрастало. Голод как элемент политики геноцида отмечается во многих трофейных документах. Об

этом подробно написала в своей книге «Последние свидетели» Светлана Алексиевич. В одном из отчетов имперскому министру по делам оккупированных восточных областей Розенбергу отмечалось, что продуктовые нормы, которые назначаются для русских, настолько мизерные, что их не хватает для того, чтобы обеспечить их существование. Кормили плохо, давали какой-то хлеб, от которого так распухал язык, что дети не могли говорить. Маленькие пролезали под проволокой и убегали в город. Цель у них была одна – помойка. Какая была радость, когда найдешь картофельные очистки, которые ели сырыми. Дети бегали к железной дороге, там останавливались воинские составы. Были случаи, когда немецкие солдаты подзывали детей, протягивая еду, а когда те подходили, обливали их кипятком и весело смеялись. Становилось нормой хождение по домам и попрошайничество. Именно так я более двух лет добывал себе пищу.

По сути дела, условия содержания детей в детдомах скорей напоминали лагерь для заложников, чем детские приюты. Примененный нацистами механизм уничтожения людей безжалостно перемалывал и беззащитных детей детских домов. Однако преступники при этом старательно прятали следы своих преступлений. Некоторые приказы руководства на совершение злодеяний даже не доводились исполнителям в письменном виде. Вот что, например, рассказывал на суде в Минске начальник полиции порядка Беларуси бригаденфюрер СС Э.Герф: «Еще за несколько дней до войны я был ознакомлен с приказом ставки, в котором указывалось, что войну с Советским Союзом следует считать отличной от всех предыдущих войн и предлагалось на оккупированной советской территории не останавливаться перед уничтожением женщин и детей, не останавливаться перед уничтожением целых районов. Приказ после ознакомления был уничтожен».

В этом году исполняется 70 лет, как закончилась война, и оставшихся в живых освобожденных бывших малолетних узников концлагерей становится все меньше. Сейчас в Москве проживают около 7 тысяч человек, признанных государством малолетними

узниками фашизма, бывших узников гетто и детей, угнанных в годы Великой Отечественной войны на принудительные работы в Германию. Все они уже находятся в преклонном возрасте. В память о детях – бывших узниках фашизма в различных населенных пунктах страны по инициативе и при участии бывших малолетних узников концлагерей и гетто устанавливаются памятные знаки в память о тех детях, которые погибли в лагерях смерти. 8 мая 2014 года по инициативе Совета Московского объединения бывших несовершеннолетних узников фашизма «Непокоренные» (председатель Г.Т.Бычкова) такой памятник был открыт в Москве в парке 30-летия Победы в районе «Чертаново Центральное». На открытии памятника по-особому звучали строки, прочитанные поэтом В.Поляниной:

*Мы все войны минувшей дети
С тяжелой, горькою судьбой.
А сколько тех на белом свете,
Кто так и не пришел домой.
Мы помним нары, помним плети
И у печи предсмертный вой,
Мы лагерей фашистских дети
И долгим был наш путь домой.*

В годы Великой Отечественной войны против гитлеровских оккупантов действовала целая армия – только в оккупированной Белоруссии не менее 75 тысяч мальчишек и девчонок, юношей и девушек воевали в партизанских отрядах. В Большой Советской Энциклопедии отмечено, что более 35 тысяч юных защитников Родины были награждены боевыми орденами и медалями.

Мальчишки и девчонки не дожидались, пока их «призовут» взрослые, – начали действовать с первых дней оккупации. Рисковали смертельно! Многие дети-партизаны награждены государственными наградами, а некоторым из них присвоены звания Героя Советского союза.

Война – это тяжелейшее испытание не только для тех, кто участвует в боевых действиях, но и для тех, кто работает в тылу, и особенно для детей, которые лишаются детства. Всем народам мира надо помнить об этом и делать все, чтобы такое нигде и никогда не повторилось.